

НАЧАЛО РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Академик М. Н. Тихомиров

Вопрос о начале русской историографии до настоящего времени не выяснен с достаточной полнотой. Исследователи в основном склоняются к мысли, что историческое знание на Руси было связано с летописанием, которое началось не раньше первой половины XI века. Так, А. А. Шахматов за дату возникновения древнейшего летописного свода принимал 1039 год. В последующие годы исследователи русских летописей (М. Д. Приселков и др.) в том или ином виде защищали построения Шахматова или старались привести новые данные в пользу того, что древнейшие своды на Руси возникли только в XI веке. При этом Д. С. Лихачев отнес появление русских летописных сводов даже ко второй половине XI столетия, а первым произведением русской историографии признал сказание о крещении Руси, составленное в 40-х годах этого столетия.

Только И. И. Срезневский (более ста лет тому назад) считал возможным отнести начало русского летописания уже к X веку. Однако мнение этого глубочайшего знатока древнерусской письменности долгое время не находило поддержки. И только совсем недавно М. Н. Тихомиров и Л. В. Черепнин вновь обратили внимание на возможность возникновения древнейших русских исторических сочинений в X веке.

Между тем вопрос о начале русского летописания — это вопрос не только историографический. Он имеет громадное значение и для характеристики достоверности исторических сведений о древней истории Руси в IX—X веках. Принимая за дату написания первых летописных известий середину или вторую половину XI в., многие историки со странной непоследовательностью вполне серьезно цитировали и комментировали летописные сказания, относящиеся даже к IX веку. В силу этого, например, легенда о призвании князей трактовалась как известие достоверное, хотя тут же сказание о Кие, Щеке и Хориве зачислялось в разряд преданий.

Основанные на глубоком анализе летописных сказаний, труды А. А. Шахматова и других исследователей летописания дали ценные результаты, но в то же время привели к самым различным выводам о начале русской историографии. Причина этих разногласий кроется, может быть, и в том, что в основу исследований о летописях был положен главным образом лингвистическо-литературный анализ, а собственно исторический анализ известий о Руси IX—X вв., сохранных летописью, остался малоработанным.

Внимание исследователей было обращено в первую очередь на вопрос о том, когда возник тот или иной летописный свод. Между тем русскую историографию как начального периода, так и более позднего времени нельзя отождествлять с летописными сводами, которые сами основывались на ряде источников разнообразного характера. Летописные своды были не начальной, а заключительной стадией исторических обобщений, которым предшествовали записи об исторических событиях и отдельные сказания. На существование такого ряда сказа-

ний обратили свое внимание И. И. Срезневский и К. Н. Бестужев-Рюмин. В частности, Срезневский отметил возможность существования особой повести о распрах сыновей Святослава: «Нельзя, кажется, не отличить рассказов о судьбе Люта и Ярополка, как очень отличных от всего остального: они составляют одну цельную повесть, разделенную на части по годам случайно»¹.

И. И. Срезневский только наметил путь, по которому должно было пойти дальнейшее изучение ранних летописных известий; но, в сущности, этот ученый не имел продолжателей. Грандиозная схема русского летописания, предложенная А. А. Шахматовым, заслонила выводы всех его предшественников. Ведь их труды были сделаны до той истины колоссальной и плодотворной работы над летописными текстами, которую провел Шахматов и без которой вопрос, поставленный Срезневским, не мог быть разрешен. И хотя Шахматов отнес время появления древнейшего летописного свода только к 1039 г., именно на основе его трудов, исходя из мысли о том, что до появления обширных летописных сводов уже существовали исторические сочинения или сказания о начале Руси, мы попытаемся по-иному решить вопрос о начале русской историографии.

Одним из крупнейших достижений А. А. Шахматова было установление того факта, что древнейшая летописная традиция дошла до нас не в «Повести временных лет», а в «Новгородской Первой летописи младшего извода», сохранившейся в списках середины XV века. Текст Новгородской Первой летописи был признан Шахматовым текстом летописного свода, возникшего в Киеве и названного им Начальным сводом. Этот свод оканчивался 1093 г., в силу чего в дальнейшем мы его будем одинаково называть Начальным сводом 1093 г. и Новгородской Первой летописью².

Сравнение известий о событиях IX—X вв. в «Повести временных лет» с Новгородской Первой летописью, или Начальным сводом 1093 г., приводит к следующим выводам. В Начальном своде отсутствует введение «Повести временных лет» о народах, о древнейшей судьбе славян и о путешествии апостола Андрея в славянскую землю. Сходство текстов начинается только с рассказа о Кие и его братьях, причем в Начальном своде этот текст имеет дату и озаглавлен: «В лето 6362 (854). Начало земли Руской».

«Повесть временных лет» и дальше осложнена рядом вставок. Крупнейшими из них являются: рассуждение о Кие (был ли он старейшиной или перевозчиком); об играх; о нравах славянских племен; о нравах народов по Георгию Мниху; расчет лет от Михаила царя до смерти Святополка; о походе Михаила на болгар; о походе Аскольда и Дира на Царьград в 866 г. (в Начальном своде в другой редакции); о войнах Олега; о царствовании Леона и Александра; об угрох, о славянской грамоте; о договоре Олега с греками; о смерти Олега и чародействах; о войнах болгарского царя Симеона; о договоре Игоря с греками; о договоре Святослава с греками.

Наиболее совпадают по содержанию те части «Повести временных лет» и Начального свода, в которых говорится о смерти Игоря (945 г.) и княжении Святослава и его сыновей. Это сходство кончается на рассказе о строении Владимиром городов около Киева в 988 году.

¹ И. И. Срезневский. Чтения о древнерусских летописях, стр. 31 (приложение к XI тому «Записок Императорской академии наук», № 4. СПб. 1862).

² В дальнейшем «Повесть временных лет» цитируется по изданию «Повесть временных лет». Ч. I. Подготовка текста Д. С. Лихачева. Под редакцией В. П. Адриановой-Перетц. М.-Л. 1930; текст Новгородской летописи по изданию «Новгородская Первая летопись младшего и старшего изводов». М.-Л. 1950.

Таким образом, выявляется очень важный факт: общий источник «Повести временных лет» и Начального свода с известиями IX—X вв. оканчивался примерно около 988 года. К тому же оказывается, что в этот общий источник не входили такие явно основанные на письменных источниках материалы, как договоры Олега, Игоря и Святослава с греками, выписки из Хроники Георгия Амартола и Симеона Логофета, сказания о славянской грамоте, об апостоле Андрее и т. д.

Итак, Новгородская Первая летопись позволяет установить ряд вставок, внесенных в текст составителями «Повести временных лет». Выделив из состава «Повести...» вставные статьи, мы получим текст, дающий некоторое представление о том, какие известия о событиях на Руси IX—X вв. имелись в древнейшей летописи. Впрочем, и в таком реконструированном виде летописные известия все-таки предстанут перед нами не в своем первоначальном виде, а в более поздней переработке, так как и текст Новгородской летописи уже имеет составной, компилятивный характер.

В самом деле, известный нам Начальный свод носит на себе черты сравнительно поздней обработки, восходящей примерно к 60-м годам XI в., как это отметил А. А. Шахматов. Естественно, возникает вопрос: каким образом позднейшую обработку летописных известий о событиях IX—X вв. можно отделить от более раннего текста?

Такую попытку и сделал в свое время А. А. Шахматов³. На основе сравнительного анализа «Повести временных лет» и Новгородской Первой летописи он выделил крупным шрифтом тот текст, который, по его мнению, восходил к Древнейшему своду. В число древнейших известий, по Шахматову, входили повествование о Кие, но без рассказа о хождении Кия в Царьград, а также сказания о дани хазарам, о призвании варяжских князей, о захвате Киева и убийстве Аскольда и Дира, о походе Олега на Царьград, об убиении Игоря древлянами и мести Ольги, об уставах и погостах Ольги, о ее крещении в Царьграде, о походах Святослава, о распрях сыновей Святослава и начале княжения Владимира. А. А. Шахматов отнес к Древнейшему своду и сказание о принятии Владимиром христианства в Корсуни.

Реконструкция текста Древнейшего свода была сделана Шахматовым на основании текста «Повести временных лет» и Начального свода. Но возникает вопрос: нельзя ли привлечь новые источники, которые могли бы нам помочь отделить пласты XI в. от более ранних текстов? Вот тот с первого взгляда неразрешимый вопрос, какой поставил перед собой автор данной статьи. Для решения этого вопроса пришлось обратиться к относительно поздним летописным сводам, сохранившим старинную северную традицию. Среди них выделяется Устюжская, или Архангелогородская, летопись. Исследователь Устюжской летописи К. Н. Сербина справедливо отмечает, что эта летопись отразила «чрезвычайно интересный летописный свод, содержащий в первой своей части текст Начального свода и «Повести временных лет»⁴.

Летописный текст в Устюжской летописи дошел до нас в сильном сокращении и в поздней обработке, но и в таком виде он позволяет сделать интересные наблюдения.

Устюжская летопись не имеет предисловия, помещенного в Начальном своде, и начинается прямо словами: «В лето 6360. Начало земли Руския. Иже живяху кождо с родом своим на своих странах». После этого следует рассказ о Кие с братьями и о дани хазарам. Затем говорится о новгородцах и других северных племенах, которые платили дань варягам, а потом против них восстали (в 859 г.) и призвали ва-

³ А. А. Шахматов. Повесть временных лет. Т. I. Вводная часть. Текст. Примечание. Пгг. 1916.

⁴ Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). Подготовка к печати и редакция К. Н. Сербиной. М.-Л. 1950.

ряжских князей. Прибытие князей отнесено к 863 г., далее рассказывается о Рюрике с братьями, а также об Аскольде и Дире, которые «седоста в городке том», то есть в Киеве, и «начаша владети Полянскую землю». Под 866 г. говорится о походе Аскольда и Диры на Царьград, чего нет в Начальном своде; под 869 г.— о крещении Болгарской земли, под 879 г.— о смерти Рюрика, передавшего сына своего Игоря «на руже Ольгови». Под 881 г. рассказывается о походе Олега с Игорем на Киев, гибели Аскольда и Диры, захвате Киева Олегом, который стал княжить в Киеве «и облада Рускою землею». Тут же сказано о могилах Аскольда и Диры и сделана заметка: «а Дирова могила за святою Ириною», как и в Начальном своде. Далее идет повествование о войнах Олега с древлянами, северянами и хазарами (883 г.), что отсутствует в Начальном своде. Под 900 г. рассказывается о походе Олега на Царьград «на конех и в кораблех, 2 000 кораблей», что в Начальном своде приписано Игорю. После этого сразу под 922 г. говорится о втором походе Олега на Царьград и смерти Олега от укуса змеи, «егда же иде от Царяграда полем», об его могиле в Ладогe, причем в этом рассказе начало княжения Игоря отнесено к 912 году. Тут же сообщается о войнах Игоря с уличами и взятии Пересечена. Известия 922 г. кончаются словами о передаче воеводе «Свинделу» древлянской дани. Под следующим, 940 г. снова говорится о взятии Пересечена и передаче дани с него «Свинделу же». Затем следует сообщение о походе Игоря против древлян (945 г.) и дается пояснение, что «Свиндел тож отец Мстишин и Лютов». Под тем же годом рассказывается о смерти Игоря и мести Ольги древлянам. Продолжение известия поставлено под 946 г., где сообщается об окончательной победе княгини Ольги над древлянами. Под 947 г. говорится об установлении Ольгой погостов в Новгородской земле, под 955 г.— о крещении Ольги в Царьграде, причем императором назван «царь Чемский», под 965—970 гг.— о походах Святослава, под 972 г.— о смерти Святослава в порогах, под 973 г.— о княжении Ярополка в Киеве и его брата Олега в Древлянской земле. Под 975 г. идет рассказ о наущениях Свиндела против Олега, а под 977 г.— о смерти Олега и бегстве Владимира из Новгорода «за море». Под 978 г. помещены известия о походах Владимира на Полоцк, на Киев и о гибели Ярополка, о кумирах, поставленных Владимиром на холме, где «ныне» есть церковь Василия. Под 981—985 гг. даны краткие сведения о войнах Владимира и о мучениках-варягах. С 986 г. начинаются сообщения о посольствах к Владимиру о вере, причем резко меняется весь характер текста. Под 986 г. говорится о мусульманских, католических и греческих послах, под 987 г.— о речи философа, под 988 г.— о крещении Владимира в Корсунь, под 989 г.— о крещении Русской земли, под 991 г.— о закладке Десятинной церкви, под 992 г.— о заложении Белгорода («заложил Белград»), под 996 г.— об освящении Десятинной церкви, под 1015 г.— о смерти Владимира.

При первом поверхностном взгляде текст Устюжской летописи можно было бы вывести из текста Новгородской Первой летописи или ее протографа, подвергнутого сильному сокращению. Однако такому выводу противоречит самостоятельный характер некоторых известий Устюжской летописи, а также ее хронология, резко отличная в своей начальной части и от Новгородской летописи и от «Повести временных лет». Например, только в Устюжской летописи походы Олега на Царьград обозначены 900 г. (первый) и 922 г. (второй). В начале повествования хронология Устюжской летописи отчасти совпадает с «Повестью временных лет», тогда как в Начальном своде о целом ряде лет ничего не говорится. Общая же хронологическая сетка для «Повести временных лет», Новгородской Первой летописи и Устюжской летописи начинается только с 945 г., под которым помещается сообщение об убиении Игоря древлянами. Эта особенность хронологии на-

чальных русских известий, как будет видно далее, найдет свое объяснение в том, что отсюда начинался и связный рассказ о русских князьях X века.

Другое отличие текста Устюжской летописи от Новгородской Первой летописи заключается в том, что Новгородская летопись осложнена рядом вставок, отсутствовавших в оригинале Устюжской летописи. Эти вставки носят по преимуществу церковный характер. Они имеются там, где в тексте Новгородской Первой летописи помещен рассказ о крещении Ольги: речь патриарха («чадо верное» и пр.), о беседах Ольги с ее сыном Святославом о христианстве, рассуждения по поводу измены воеводы Блуда («о злая леть») и пр.

Вместе с тем в Устюжской летописи мы находим явно более древние чтения, чем в Новгородской Первой летописи; об этом будет сказано ниже.

Важнейшим отличием Устюжской летописи от Новгородской является прочное сохранение в ней традиции, согласно которой Олег, Аскольд и Дир были князьями, а не воеводами. В летописных сводах как бы борются две противоречивые традиции: по одной из них Олег, Аскольд и Дир были только воеводами, по второй — князьями, хотя имеются неоспоримые доказательства того, что Олег княжил в Киеве (в договоре Олега с императорами он прямо именовался великим князем русским). «Повесть временных лет» вначале называет Олега воеводой, а затем, рассказывая о его смерти, начинает это повествование словами: «И живяше Олег мир имея ко всем странам, княжа в Киеве»; следовательно, говорит об Олеге как о киевском князе. Также и Устюжская летопись, называя Олега воеводой Рюрика и Игоря, тут же замечает: «И седе Олг, княжа в Киеве, и рече: «Сеи град будет мати всем градом руским, и облада Рускою землею». Такая же сбивчивость изложения заметна и в рассказе об Аскольде и Дире. По Устюжской летописи, они не были «ни племени княжа, ни боярска», хотя тут же о них говорится как о князьях в Киеве и в Полянской земле.

Оригинал Устюжской летописи, судя по ссылкам на дворы Гордаты и Никифора, возник не раньше 60-х годов XI в. и, по-видимому, является каким-то промежуточным текстом. Этот текст предшествовал Начальному своду 1093 г. и, возможно, отразил какой-то летописный свод 60—70-х годов XI века.

Таким образом, при суждении о первоначальном составе известий о Руси IX—X вв. можно опираться не только на сравнение «Повести временных лет» с Начальным сводом 1093 г., но и на Устюжскую летопись.

После этих предварительных замечаний мы можем перейти к анализу летописных известий о Руси IX—X веков.

Выше говорилось, что «Повесть временных лет» начинается с рассказа о разделении земли между сыновьями Ноя, тогда как Новгородская Первая летопись имеет особое предисловие, после чего следует новое заглавие: «В лето 6362. Начало земли Руской. Живяху кождо с родом своим». С этих слов, видимо, и начиналась древнейшая летопись, что доказывается существованием традиции, сохраненной и в некоторых других летописных сводах.

Судя по заголовку «Повести временных лет» («Се повести времяных лет, откуда есть пошла Руская земля, кто в Киеве нача первее княжити и откуда Руская земля стала есть»), источник «Повести...» также начинался с заглавия о начале Русской земли и не имел еще предисловия к Временнику. В самом деле, слова в заглавии «Повести...»

«...кто в Киеве нача первое княжити» в дальнейшем изложении остаются нераскрытыми и неоправданными, так как из текста не ясно, кто же был первым князем в Киеве: Кий, Аскольд, Дир, Олег или Игорь? Исходя же из текста, надо предполагать, что первым князем признавался Кий. По крайней мере так понял дело составитель предисловия, открывающего Новгородскую Первую летопись. Название Киева произошло от имени князя, его основавшего, так же как и названия других мировых столиц: Рима, Александрии, Селевкии, Антиохии: «Також и в нашей стране зван бысть град великим князем во имя Кия». В эпоху составления Начального свода времена Кия были столь отдаленными, что шли споры о том, кем он был: князем, перевозчиком или охотником («кого же нарицают тако перевозника» и пр.).

Желая каким-либо образом указать на те годы, когда жили Кий и его братья, летописцы попытались приурочить это к определенному времени. Новгородская Первая и Устюжская летописи относили годы жизни Кия к периоду царствования Михаила в Византии, так как первые сведения о Руси, найденные в византийских хрониках, касались царствования Михаила. Однако такое сопоставление было сделано не очень грамотным компилятором, в силу чего матерью императора Михаила названа Ирина, а не Феодора. Между тем из текста Новгородской летописи ясно, что речь идет не об Ирине, а именно о Феодоре, которая, как сказано в летописи, провозвестила «поклоняние иконам в пръвую неделю поста». Эти слова о восстановлении иконопочитания в Византии почти буквально совпадают с хроникой Симеона Логофета в славянском переводе, сообщающего, что Феодора «православную утверди веру и церковь смири в пръвую неделю святыхъ постъ»⁵.

Однако спутать имена Феодоры и Ирины было не так просто, и можно предположить, что путаница произошла оттого, что именно Ирина упоминалась в первоначальном тексте, а имя Михаила было приписано позже. Это было сделано потому, что в результате противоречивых сведений о начале Русской земли, которыми пользовались летописцы, последние пытались как-то согласовать имена Ирины и Михаила. Отражение такой противоречивости мы найдем и в «Повести временных лет», по которой Русская земля стала прозываться в первый год царствования Михаила, в 852 г., как это, по словам «Повести...», написано в греческом летописании. Имя Михаила действительно упоминается в наших летописных известиях, а имя Ирины стоит одиноко. Но в руках русских книжников были какие-то неизвестные источники, рассказывавшие о Кие, и следы этих источников сохранились в словах «Повести временных лет» о том, что Кий ходил в Царьград и принял великую честь от императора, имя которого летописец уже указать не мог («которого не свемы»). Если принять во внимание, что, согласно «Повести временных лет», первое известие о начале Русской земли взято было из греческого летописца, говорившего об императоре Михаиле, то понятно, почему составитель «Повести...» во избежание непримиримого противоречия не мог назвать имени Ирины или кого-либо из ее сопрательей. Таким образом, упоминание об императрице Ирине в рассказе о Кие вполне объяснимо. К ее времени первоначально приурочивали рассказ об основании Киева, позднейшие же редакторы отнесли основание этого города почти ко времени Рюрика, в силу чего Аскольд и Дир сделались почти современниками Кия, хотя из самой «Повести временных лет» и Новгородской Первой летописи очевидно, что Кий с братьями жили в более отдаленный период. Этим отдаленным временем для летописца было царствование императрицы Ирины, то есть примерно

⁵ «Симеона Метафраста и Логофета описание мира от бытия и летописи собран от различных летописец». Славянский перевод хроники Симеона Логофета с дополнениями. СПб. 1905, стр. 100.

780—802 годы. «Повесть временных лет» пользовалась какими-то неизвестными нам сведениями о Кие. Она сообщает, что Кий поставил на Дунае городок, «еже и доньне наричють дунайцы городище Киевець». Эта легенда, как справедливо показывает болгарский исследователь Р. Стойков, основана на факте существования города Киева (Къйова) в районе Дуная еще в XV веке⁶.

Рассказав о захвате Киева князем Игорем и его «воеводой» Олегом, Новгородская летопись под 922 г. сообщает о походе Олега на Царьград и о его смерти в Ладоге. В «Повести временных лет» об Олеге говорится полнее. В нее вставлены договор Олега с греками (под 912 г.) и пересказ договора (под 907 г.). Наиболее загадочным является то, что смерть Олега в «Повести временных лет» отнесена к 912 г., а в Новгородской летописи — к 922 году.

Однако есть основание полагать, что и в Новгородской Первой летописи и в «Повести временных лет» сообщение о захвате Киева дошло до нас не в первоначальном, а в измененном тексте. Летописцы, видимо, имели какие-то противоречивые сведения об Олеге и Игоре. Поэтому «Повесть временных лет» показывает Олега родственником Рюрика («кумерши Рюрикови предасть княженье свое Ольгови, от рода ему суша») и признает его князем. С этим согласуются и слова «Повести...», в которых исчисляются годы от Адама до цесаря Михаила: «А от первого лета Михаилова до первого лета Олгова, рускаго князя, лет 29, а от первого лета Олгова, понели же седе в Киеве, до первого лета Игорева лет 31». Таким образом, существовала прочная традиция, согласно которой именно Олег был русским князем, «понели же седе в Киеве», то есть с того времени, как он утвердился на киевском столе. В данном случае Устюжская летопись сходится не с Новгородской летописью, а с «Повестью временных лет», сообщая, что Рюрик передал княжение «Ольгови, сроднику своему, а сын его Игорь мал еше». В той же летописи, как мы видели раньше, Олег выступает как князь: «и седе Олг, княжа в Киеве, и рече: «Сеи град будет мати всем градом руским, и облада Рускою землею».

Устюжская летопись сообщает, что Олег «оброки по всей земли Руской устави и многи города постави», и под разными годами приводит рассказы об Олеге и его походах. Эти рассказы отличаются большой примесью легендарности и в то же время прочной киевской традицией. В частности, смерть Олега связывается с его походами на Царьград. Любимый конь Олега, от которого ему была предречена гибель, был убит по княжескому приказанию «далече в поле». Это случилось, когда Олег «иде от Царяграда, прешед море, поиде полем на конех». От змеиногo укуса он заболел и умер, «и есть могила его в Ладозе». Такое явное противоречие между «полем» — степью — по дороге от Черного моря к Киеву и Ладогой на севере привело к тому, что в Новгородской летописи осталось только упоминание о могиле в Ладоге и нет рассказа о волхвах и змее, тогда как «Повесть временных лет» оставила повествование о волхвах и смерти Олега от змеи в несколько ином виде и с упоминанием о том, что Олег был погребен в Киеве на Щековице: «есть же могила его и до сего дни, словеть могила Ольгова».

Крайне интересно то обстоятельство, что Устюжская летопись сохранила некоторые черты, объясняющие нам неясную хронологию «Повести временных лет» и Новгородской Первой летописи. Смерть Олега произошла, согласно «Повести...», в 912 г., по Новгородской летописи — в 922 году. Устюжская летопись сохранила и ту и другую дату, поставив смерть Олега под 922 годом. Под этим же годом она дает и другую дату: «Игорь же нача княжити в лето 6920» (912), после чего непо-

⁶ Р. Стойков. Нови сведения за миналото на български селища през XV и XVI в. «Исторически преглед», 1959, № 6, стр. 79.

следовательно сообщается, что у Игоря был воеводой Свиндел (Свенельд) на место Олега: «и бе у Игоря князя воевода, во Ольга место, именем Свиндел». Отсюда начинается повествование об Игоре и его потомках, имеющие явные черты близких воспоминаний о событиях, как это далее будет видно. Здесь, видимо, и кончался первоначальный рассказ о становлении Русской земли, основанный на противоречивых преданиях и мало связанный с повествованием об Игоре и его потомках. Автор сказания пользовался различного рода преданиями, связав воедино ставшие легендарными имена Олега и свергнутого им Аскольда и Дира. Позднейшее стремление летописцев вести родословие киевских князей от Рюрика сделало Аскольда, Дира и Олега воеводами, а не князьями.

Между тем, как отметил Е. Перфецкий, существовало предание, что Аскольд и Дир были потомками основателей Киева. Это нашло отражение в том летописце (по предположению Перфецкого, перемышльского происхождения), который был известен польскому историку Длугошу в XV веке⁷. В летописце Длугоша сообщалось следующее: «После смерти Кия, Щека и Хорива, наследуя по прямой линии, их сыновья и племянники много лет господствовали у русских, пока наследование не перешло к двум родным братьям Аскольду и Диру»⁸. Именно таким был первоначальный текст сказания о начале Русской земли. Это видно из того, что в «Повести временных лет», в полном противоречии с варяжской легендой, также говорится о существовании князей из рода Кия и его братьев («и по сих братья держати почаша род их княженье в Полях, в Деревлях свое, а в Дреговичах свое»); «род их» — это не кто иные, как наследники Кия и его братьев. Здесь мы имеем прямое указание на князей, существовавших задолго до Рюрика, причем указание той же «Повести...», которая сообщает легенду о призвании варяжских князей. Следы колебаний летописца по вопросу о том, кем были Аскольд и Дир, отразились и в его особом стремлении показать, что они были просто варягами, а не князьями и даже не боярами.

Итак, есть основание утверждать, что первоначальная повесть о начале Руси заключала в себе рассказ об основании Киева, о притязании хазар на Киев, об убийстве Аскольда и Дира, являвшихся потомками Кия, об Олеге и его смерти. Позже этот рассказ был осложнен вставкой легендой о призвании князей, в силу чего Олег, Аскольд и Дир сделались дружинниками Рюрика, что создало непримиримые противоречия в хронологии летописи, вставленной в первоначальный текст уже в более позднее время.

Когда же и где возникла повесть о начале Русской земли? На второй вопрос ответить сравнительно легко. Рассказ о начале Руси был написан в Киеве и имеет ярко киевскую окраску. Сообщение о разорванных кропичных (шелковых) парусах на кораблях словен носит характер явной насмешки над словенами (новгородцами), которые взялись за свои «толстины», потому что дорогие паруса были им недоступны. Правда, слова о порче кропичных парусов отсутствуют в Устюжской летописи, но в ней говорится о паволочитых парусах Руси и полотняных у словен.

И в «Повести временных лет» и в Новгородской и в Устюжской летописях о временах Олега сообщается как об очень отдаленных, овеянных легендами. Некоторым указанием на время составления рассказа об Олеге могут служить слова о том, что могила Дира находилась «за святою Ириною», а церковь Ирины, по летописи и по Прологу, была постав-

⁷ Е. Перфецкий. Перемышльский летописный кодекс первой редакции в склади хроніки Яна Длугоша. «Записки Наукового товариства имени Шевченка». Т. 151. У Львові. 1931.

⁸ Цитируется по изданию русских известий Длугоша в книге К. Бестужев-Рюмина. О составе русских летописей до конца XIV века, СПб. 1868, стр. 63 (приложение).

лена при Ярославе Мудром, но такая вставка могла быть сделана и позже. Большое значение имеет повествование о хазарах, которые брали дань с полян и которыми «до днешняго дни» владеют русские князья. Последние слова имеют, несомненно, датирующее значение и относят возникновение сказания о начале Руси к относительно раннему времени. Конечно, это сказание не могло появиться раньше принятия Русью христианства, так как в нем отчетливо сказано о языке старших полян и основателей Киева («бяху же погане, жруще озерам и кладязем и рощением»), но его нельзя относить и далеко в глубь XI века. Сказание было написано в те годы, когда русские князья брали дань с хазар и владели ими «до днешняго дни», то есть до настоящего времени. К каким же годам относится это настоящее время?

Хазарское царство, как известно, распалось к середине XI века. В летописи последнее упоминание о хазарах относится к 1023 г., в связи с рассказом о нападении на Киев князя Мстислава Черниговского, брата Ярослава Мудрого. В составе его войск летопись называет кософов и хазар («поиде Мстислав на Ярослава с Казары и с Касогы»). Последние годы существования Хазарского каганата мало изучены историками. В новейшем очерке истории хазар говорится: «Упоминания о хазарах в XI в. касаются только хазар тмутораканских и крымских и характеризуют их, как народ, лишенный самостоятельного практического значения»⁹. Однако это замечание не вполне правильно, так как хазары составляли значительную часть населения Крыма, Тмутораканского княжества и причерноморских степей. Как можно заключить из Печерского Патерика, хазары, исповедывавшие иудейство, служили опорой для иудейской пропаганды еще во второй половине XI века. Даже киевский князь именовал себя «каганом», что нашло отражение в известном слове митрополита Илариона «О законе и благодати». Исследователи этого произведения обычно не спрашивали, почему Иларион назвал таким титулом великого князя Ярослава, чего никогда не делали летописцы. Объяснить это, пожалуй, можно тем, что при Ярославе власть хазар окончательно сошла на нет и Хазария оказалась подчиненной киевскому великому князю. Такие события произошли после смерти Мстислава Черниговского (1036 г.) и присоединения Тмутораканской земли к Киевской. Под 1037 г. летопись сообщает о создании «великого города» Киева с золотыми воротами и заложении св. Софии — «митрополии». Под этим же годом говорится о построении Георгиевского монастыря и церкви Ирины. Известие о великом городе Киеве находит отклик в слове «О законе и благодати». К этому периоду (первая половина XI в.) предположительно можно было бы отнести и время обработки сказания о начале Руси. Прямым толчком к этому могли явиться события, имевшие место при Ярославе Мудром, и столкновение с Византийской империей, приведшее к неудачному русскому походу на Константинополь в 1043 году. Подобные осложнения были связаны и с положением в Крыму, который еще в XIV в. носил название Хазарии¹⁰.

Впрочем, нельзя настаивать на том, что рассказ о Кие и его братьях возник только в такое относительно позднее время, а не был соответствующим образом обработан на основе более раннего текста. Во всяком случае, повесть о начале Руси уже существовала в первой половине XI столетия.

После рассказа о смерти Олега в летописи идет повествование об Игоре и его потомках, причем наиболее подробно описывается княжение

⁹ «Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III—IX вв.», М. 1956, стр. 725.

¹⁰ См., например, Francesco Balducci Pegalotti. *La pratica della mercatura*. Ed. by A. Evans. The Mediaeval Academy of America. Cambridge, Massachusetts. 1936, p. 54 и др.

Святослава и распри между его сыновьями. В основу этих известий положено особое сказание, которое условно может быть названо сказанием о русских князьях X века.

Первоначально данное сказание, видимо, представляло собой повествование нелетописного порядка, в нем не было разделения на годы. Большое количество вставных статей в «Повести временных лет» разорвало первоначальный рассказ о княжении Игоря, заполнив описанием событий те годы, о которых ничего не говорилось в первоначальном тексте. Вставной характер ряда статей особенно бросается в глаза при изучении текстов Новгородской Первой и Устюжской летописей. Вставка годов была сделана примитивно, когда-то единый текст оказался разорванным на отдельные годы. Так, после слов: «И реша дружина Игореве: се дал еси единому мужеве много», — поставленных под 922 г. (6430), в Новгородской Первой летописи имеется продолжение под 945 г. (6453): «отрочи Свенелжи изоделися суть оружием и порты». Таким образом, хронологически начало фразы отделено от ее продолжения 23 годами.

Такой же разрыв в повествовании путем введения заголовка («начало княжения Святославля» и др.) имеется и дальше. Рассказ о мести Ольги кончался словами: «А Ольга возвратися в Киев и пристрой вои на прок их»; непосредственное же продолжение этих слов поставлено под 946 г. (6454) («иде на Деревскую землю»). Новый разрыв повествования сделан в результате вставки 947 г. (6455), в силу чего первоначальный текст оказался разделенным на две фразы: первая — «и прибывше лето едино» и вторая — «иде Ольга к Новугороду».

Явной вставкой является обозначение 969 г. (6477), разделившее первоначальный текст на две фразы: (Святослав) «собра воя и прогна Печенеге в поле и быть мирно» и «рече Святослав к матери своей и к боярам». Такого рода вставки в текст сказания об Игоре и его потомках отмечены были уже А. А. Шахматовым в его реконструкции Древнейшего свода.

Подробное повествование об Игоре, Святославе и о распрах между сыновьями последнего лишено каких-либо прикрас и отличается такими подробностями, которые сделаны если не очевидцем, то, во всяком случае, современником описываемых событий. Ярко показаны взаимоотношения сыновей Святослава, честолюбие Ярополка, названы княжеские воеводы: Блуд — воевода Ярополка, Свенельд — отцовский воевода («воевода отень») Святослава, упомянут некий Варяжко — приближенный Ярополка, который после его смерти бежал к печенегам и долгое время воевал против Владимира, и т. д.

Особенностью сказания о русских князьях X в. является и общая тема, связывающая весь рассказ в единое целое. По сути дела, это — повествование не только об Игоре и его потомстве, но и о борьбе киевлян (полян) с древлянами. Особенно подчеркивается роль Свенельда (Свиндела, по Устюжской летописи), о котором говорится уже в начале сказания. Составитель неоднократно напоминает о значении Свенельда в расправе Ярополка с его братом Олегом. Свенельд подучает Ярополка пойти на Олега войною. Раньше же было сказано, что Свенельд получил в свое распоряжение древлянскую дань и брал «по черной кунице от дыма». Он же предводительствовал киевлянами в борьбе против древлян после смерти Игоря, сопровождал Святослава в его походах, которому не советовал идти в Русь в ладьях через пороги, а предлагал пойти «около на конях». Устюжская летопись, сохранившая более древний текст, чем Новгородская Первая летопись, добавляет такую подробность о битве с печенегами: «Свиндел же убежа з бою и приде в Киев к Ярополку сыну Святославлю и сказа ему смерть отцеву, и плакася по нем со всеми людьми».

Подробный рассказ о борьбе киевлян с древлянами обнаруживает осведомленность его автора о некоторых деталях. Таково упоминание о каменном тереме, который раньше стоял за Десятинной церковью над горою. Не вполне понятное упоминание о тереме в Новгородской летописи поясняется Устюжской летописью, по которой тут был «двор теремный, бе бо ту терем каменный». Из текста Устюжской летописи выясняется, что Ольга смотрела из терема, как несли древлянских послов и бросили их в яму, наполненную горящими углями, «и выникши Ольга из терема», — говорит летопись, рисуя эту трагическую сцену и мстительную княгиню, созерцавшую из терема гибель своих врагов.

Далее идет связный рассказ о войнах Ольги и ее сына Святослава с древлянами и точно указывается, что дань, возложенная на древлян, делилась по Новгородской летописи таким образом: «Две части дани Киеву идет, а третья Вышегороду ко Олзе, бе бо Вышегород Олгин град». В этом упоминании наиболее характерно следующее: платеж дани Вышегороду обозначен настоящим временем, и это нельзя относить к позднему периоду, когда Древлянская земля была прочно присоединена к Киеву. Такой же близостью к рассказываемым событиям процикнуты слова летописи о становищах и ловищах Ольги в Деревской и Новгородской землях, по Десне и по Днепру.

В Новгородской летописи далее следует повествование о крещении Ольги в Царьграде. Вероятно, первоначально об этом говорилось значительно короче, о чем можно судить на основании Устюжской летописи, упоминающей о сватовстве цесаря к Ольге без обширных вставок из церковных текстов. Дальнейший рассказ тесно связан с конечными словами о крещении Ольги. Он начинается так: «Князю Святославу возрастшу и возмужавшу». Эти слова являются прямым продолжением предыдущей фразы: Ольга «кормящи сына своего до мужества своего и до возраста его». В Устюжской летописи о данном факте сказано точнее и яснее: «Она же учаше сына своего быти христиану, он же не хотяше, и кормяше его до мужества».

Повествование о походах Святослава дано с еще большим количеством деталей, которые показывают, что это повествование составлено если не очевидцем, то человеком, писавшим по рассказам очевидцев или по близким припоминаниям. Таково и упоминание о происхождении Владимира, изложенное в Устюжской летописи таким образом: «Владимир бо бе от Малки — ключницы Ольжины: Малка же бе сестра Добрыне, отец ее бе Малк Любутчанин: бе бо Добрыня Малков, сын, дядя Владимиру по матери, и рожение бысть Владимиру в Будотине селе, ту бо бе посла Ольга Малку в гнев, село бо бе ея ту, бе бо, умирая, Ольга отдаст село то пресвятей богородицы». Последние слова о пресвятой богородице имеют в виду Десятинную церковь и показывают, что известие было написано уже после ее основания, то есть после 989 года. В связи с появлением легенды о псковском происхождении Ольги село Будотино под Киевом позже было отождествлено в летописи с почти одноименным селом под Псковом.

Особенно точным летописный рассказ делается при повествовании о распрах сыновей Святослава. Новгородская летопись сообщает, что воевода Свенельд пришел в Киев к Ярополку, и это согласуется с тем, что сын Свенельда, Лют, убитый Олегом Святославичем, вышел на охоту из Киева. Если вспомнить, что Свенельд при Игоре держал в своих руках древлянскую дань, то поступок Олега можно объяснить тем, что речь шла о нарушении княжеских прав Олега в Древлянской земле и о попытке Люта утвердить старые отцовские права над древлянами.

Дальнейшее повествование о гибели Олега у Вручьего града, о княжении Ярополка, о походах Владимира и смерти Ярополка полностью лишено каких-либо легендарных черт. Новгородская летопись ре-

ально рассказывает об убиении Ярополка и о том, как некий Варяжко, приближенный Ярополка, бежал к печенегам и долгое время воевал с Владимиром.

Устюжская летопись и тут дает новые подробности, которые никак не могут быть объяснены позднейшими вставками. О смерти Ярополка в ней говорится так: «И яко приде Ярополк в Киев и в дверях полатных 2 варяга подъяста мечи под пазухи». Упоминание о дверях полатных здесь вполне уместно, так как Ярополк был убит в каменном, «полатном» строении, вероятно, в том же отцовском тереме, о котором сообщалось выше.

Указание на каменный терем вводит нас в реальную обстановку конца X в., когда этот терем еще существовал. Позже понадобился уже комментарий к словам о тереме, который и находим в «Повести временных лет», в Новгородской Первой и в Устюжской летописях. Комментарий, упоминавший о боярских дворах 60-х или 70-х годов XI в., писал тогда, когда каменного терема уже не было, и он был вынужден пояснить, что терем стоял за святой Богородицей, то есть за Десятинной церковью. Таким образом, ко второй половине XI в. память о тереме стала стираться, и упоминание о нем в сказании о русских князьях снова ведет нас не к легендарным, а к действительным чертам русской истории X века.

Рассказ о расприх сыновей Святослава прерывается на словах о вокняжении Владимира и о кумирах, поставленных на холме, на котором была построена церковь святого Василия. О ней летописец обещал сказать позже («яко же последи скажем»).

Здесь, по-видимому, первоначально и оканчивалось сказание о русских князьях X в., так как дальнейший текст летописи теряет характер однотемного повествования, представляя собой сочетание различного рода вставных статей и кратких известий. При этом известия о княжении Владимира оказываются более скудными, чем рассказ об Игоре, Святославе, Ярополке и его братьях.

В Новгородской Первой летописи после слов о женах Владимира следует рассуждение о добрых и злых женах. Это рассуждение, как и последующее за ним сказание о первых мучениках-варягах, вставлено позже. Обе статьи являются особыми произведениями, а сказание о мучениках-варягах вошло в Пролог, притом в более полном и древнем виде, чем в летописи. Далее следует рассказ об испытании веры, и приводится длинная речь философа — произведение, также известное в виде особой статьи. Под 988 г. (6496) помещены сообщения о взятии Корсуни и крещении Владимира, а вслед за этим говорится о символе веры. Затем рассказывается о возвращении Владимира в Киев и введении христианства на Руси. Под следующим, 989 г. последовательное изложение Новгородской Первой летописи прерывается, так как здесь в нее вставлен краткий летописец. Это также указывает на то, что концом X в. завершилось сказание, послужившее одним из источников для летописи. В «Повести временных лет» изложение событий княжения Владимира осложнено вставкой двух больших статей об осаде Белгорода печенегами, борьбе отрока с печенегом и построении Переяславля. Обе статьи носят вставной и легендарный характер. Что касается Устюжской летописи, то в ней о княжении Владимира сказано совсем кратко.

Эти особенности летописных текстов должны быть приняты во внимание при суждении о времени возникновения русских известий X века. В самом деле, историки, относящие создание летописи ко второй половине XI столетия, не могут ответить на вопрос, почему повествование о Владимире Святом и Ярославе Мудром включает более легендарные мотивы (о белгородском киселе, о богатыре-кожемяке), чем рассказ об Игоре и его потомстве. Не могут они ответить и на другой вопрос: по какой причине летописное повествование о Владимире и Ярославе носит

более компилятивный характер, изобилует большим количеством вставных статей, чем рассказ о событиях второй половины X века. Объяснить такую особенность летописного повествования легче всего, если предположить, что существовало особое произведение, рассказывавшее о судьбах Руси в княжение Игоря, Святослава, Ярополка и Владимира.

Для суждения о том, где начинался и где кончался рассказ об Игоре и его потомстве, большое значение имеют некоторые летописные произведения, в первую очередь «Память и похвала» мниха Иакова. Время создания «Памяти и похвалы» неизвестно, но можно думать, что она возникла в относительно раннее время, по нашему предположению, в первой половине XI века. Эту статью следует сопоставить со словом митрополита Илариона «О законе и благодати», где также подчеркивается апостольская деятельность Владимира. Даже если произведение монаха Иакова относить к значительно более позднему времени, то нет никакого сомнения в древности того летописца, каким восполезовался этот писатель при составлении своей «Памяти и похвалы», на что обратил внимание еще Бестужев-Рюмин. Так, в «Памяти и похвале» приводятся летописные данные, отчасти совпадающие с текстом «Повести временных лет» и Новгородской летописи, отчасти являющиеся новыми. Летописец, находившийся под руками Иакова, начинался с сообщения о смерти Святослава и кончался рассказом о вокняжении Владимира в Киеве. Иаков подчеркивает, что Владимир сел в Киеве на место отца своего Святослава и деда Игоря. Далее следует такой текст: «А Святъслава князя печенезе убиша, а Ярополк сядяще в Киеве на месте отца своего Святъслава, и Олег идый с вои, у Вруча града мост ся обломил с вои, и удавиша Ольга в гребли, а Ярополка убиша в Киеве мужи Володимерове, и седе в Киеве князь Володимер в осьмое лето по смерти отца своего Святъслава месяца июня в 11 в лето 6486. Крести же ся князь Володимер в 10-е лето по убьеньи брата своего Ярополка»¹¹.

Описываемые в «Похвале» события помещены в «Повести временных лет» и в Новгородской летописи под 971—988 годами. В основном изложение событий в них и в летописце Иакова сходится, но имеется некоторое расхождение в хронологии. По летописцу Иакова, князь Владимир утвердился в Киеве в 978 г. (6486), а не в 977 г. (6485); при этом именно летописец Иакова сохранил точную дату вокняжения Владимира в Киеве — 11 июня 978 г., тогда как в Новгородской летописи и в «Повести временных лет» весь 978 г. не заполнен никакими событиями.

Замечательной особенностью «Памяти и похвалы» Иакова является то, что в этом произведении примерно очерчено, чем начинался и кончался источник «Памяти». Летописец Иакова рассказывает об Игоре, Святославе и сыновьях Святослава, но ни одним словом не упоминает о Рюрике, сыном которого по «Повести временных лет» и Новгородской летописи был Игорь. Поэтому можно предпологать, что летописец Иакова не знал еще легенды о призвании князей. Возможно, что не знал ее и Иларион, составляя свое слово «О законе и благодати». Он называет Владимира сыном Святослава, внуком Игоря.

Сказание о русских князьях X в. начиналось, как говорилось выше, фразой о княжении Игоря в Киеве и оканчивалось словами о вокняжении Владимира. В самом деле, короткий рассказ о событиях после смерти Святослава, помещенный в «Памяти и похвале» мниха Иакова, заканчивается так: «И седе в Киеве князь Володимер в осьмое лето по смерти отца своего Святъслава месяца июня в 11 в лето 6486. Крести же ся князь Владимир в 10-е лето по убьеньи брата своего Яро-

¹¹ См. В. Срезневский. Мусин-Пушкинский сборник 1414 года. (Приложение к 72-му тому «Записок Императорской академии наук» № 5. СПб. 1893.)

полка». Это дает право думать, что летописец, известный Иакову, как и сказание о русских князьях X в., заканчивался сообщением о крещении Владимира.

Точная дата вокняжения Владимира в Киеве указывает на то, что источник сведений у мниха Иакова был надежным и древним, так как такой даты нет в известных нам летописях, где просто говорится, что «Володимир вниде в Киев» и при этом не в 978, а в 980 году. Крещение Руси по «Повести временных лет» и Новгородской Первой летописи произошло в 988 г., по летописцу Иакова, Владимир крестился в 10-е лето после смерти Ярополка, который, согласно «Повести...» и Новгородской летописи, был убит в 980 году.

Источник летописных сведений «Памяти и похвалы» по-иному освещал крещение Владимира, не связывая этот акт с Корсунью. Здесь-то мы и находим объяснение того полемического выпада, который в Новгородской летописи и в «Повести временных лет» был направлен против тех, кто рассказывал, что Владимир крестился не в Корсуни, а в Киеве, или Василеве, или где-либо в другом месте («друзии же инако сказующе»). Иаков, писавший «Память и похвалу», имел в своем распоряжении разные сказания и летописные записи о княжении Владимира, разноречащие с известными нам летописными сводами, но он не знал Корсунской легенды, в силу чего утверждал, что Владимир «по крещеньи прожил 28 лет» (следовательно, крестился в 987 г.), «на другое лето по крещеньи к порогам ходил» (значит, в 988 г.), «на третье лето город Корсунь взял», то есть совершил поход на Корсунь в 989 году.

Все изложенное выше подводит нас к мысли, что сказание о русских князьях X в. начиналось с повествования об убиении Игоря и кончалось известием о вокняжении Владимира в Киеве 11 июня 978 года.

Косвенным подтверждением того, что сказание о русских князьях X в. оканчивалось примерно утверждением Владимира в Киеве, является расчет лет от Адама, приводимый «Повестью временных лет». Как уже заметил И. И. Срезневский, в этом расчете лет имеется три слоя. Первый из них кончается годами жизни Ярополка («а от первого лета Святославля до первого лета Ярополча лет 28, а Ярополк княжи лет 8»). Такой же подсчет лет находим и в псковских летописях, имевших в основе своих начальных известий не «Повесть временных лет», а какой-то свод, близкий к Устюжской летописи.

Попытаемся теперь установить время возникновения рассказа об Игоре и его потомстве. Рассказ был написан еще тогда, когда киевские князья вели борьбу с древлянами и другими племенами. Судя по Новгородской Первой летописи, автор рассказа знал, что уличи некогда жили вниз по Днепру и позже поселились между Бугом и Днестром. Здесь их и находит автор «Повести временных лет», но уже говорит о них в прошлом («бе множество их»). Устюжская же летопись помнит о войнах Игоря «на древляны и на улицы», о том, что он осаждал град Пересечен три года. Могила Игоря известна была составителю сказания «в Древах и до сего дня». Свенелд, как утверждает этот составитель, был отцом Мстиши, по-видимому, того Люта Свенельдича, который был убит позже Олегом, если только речь не идет о двух разных лицах. Автор сказания писал еще тогда, когда третья часть древлянской дани поступала в Вышгород, который был городом Ольги. Во всяком случае, сказание было написано до 1044 г., до того времени, когда тело Олега Святославича было перенесено в Десятинную церковь, как отметил А. А. Шахматов. Но эта дата поздняя, а можно указать более раннюю.

Повествование о смерти Ольги заканчивается следующими словами: «и несоша и погребоша ю на месте». После этого автор замечает: Ольга велела не делать тризны над ее могилой, потому что она имела при се-

бе священника «в тайне» и тот ее похоронил. Место, где была похоронена Ольга, в летописи не указано. Это вызывает представление о какой-то неточности, вернее, оборванности фразы (в реконструкции Шахматова здесь и поставлены три точки), тем более, что о могилах Олега и Ярополка упоминается особо, даже подчеркнута, где они находятся (о могиле Олега): «есть могила его и до сего дне у Вручьяго града». Позже Ольга была погребена в Десятинной церкви, где стоял ее саркофаг. Очевидно, тот, кто писал о каком-то месте, где похоронена была Ольга, не знал о перенесении ее мощей в Десятинную церковь. Поэтому нет оснований и приписывать создание сказания о русских князьях X в. автору, связанному с Десятинной церковью.

Когда же совершилось перенесение праха Ольги в Десятинную церковь? Кажется, это событие может быть связано с несколько неясным известием «Повести временных лет», помещенным под 1007 г. (6515): «Пренесени святии в святую Богородицю». К этому времени русскими святыми могли считаться только княгиня Ольга и мученики-варяги. В связи с переносом святых в Десятинную церковь могли появиться краткие или проложные сказания об Ольге и мучениках-варягах, внесенные в летопись. Но автор сказания о русских князьях X в. еще не был осведомлен о перенесении мощей Ольги в Десятинную церковь, он знал только одно, что Ольга была похоронена «на месте» и притом втайне. Следовательно, он писал до 1007 года.

В дошедшем до нас виде сказание о русских князьях X в. было осложнено не только вставными рассказами, но и общей тенденцией летописца связать династию Игоря с Рюриком и его братьями.

В наиболее древнем виде рассказ о призвании варягов сохранился в Новгородской Первой и Устюжской летописях. В Новгородской летописи упоминаются новгородские люди («рекомые словени»), кривичи и меря. В дальнейшем изложении к этим племенам прибавляется чудь. Каждое из этих племен жило родом своим («кождо своим родом владающе»). В этих словах видно сходство с тем, что было сказано в повествовании о Кие («живяху кождо с родом своим на своих местех и странах, владеюще кождо родом своим»). Славяне, кривичи, меря и чудь давали дань варягам, против которых они восстали, что привело к междоусобицам и к решению обратиться к тем же варягам. На призыв откликнулись три брата «с роды своими». В Новгородской летописи нет упоминания о том, что варяги прозвались «Русью», хотя и говорится, что «от тех Варяг, находник тех, прозвашася Русь и от тех словлет Руская земля».

Последние слова о Руси, не объясненные летописцем, уже в давние времена вызвали своеобразные комментарии, пытавшиеся объяснить, кем же была «Русь», так как эти слова стояли в явном противоречии со сказанием о начале Русской земли, которое связывалось с Кием, Щеком и Хоривом, а не с варягами. Это привело к тому, что в «Повести временных лет» введен был комментарий к слову «варяги»: «Идоша за море к Варягам, к Руси. Сие бо ся зваху тьи Варязи Русь, яко се друзии зовутся Свие, друзии же Урмане, Англяне, друзии Гъте, тако и сие». Вставной характер этих слов признает и А. А. Шахматов.

Введение подобного комментария объясняется тем, что источники «Повести временных лет» разноречили по вопросу о том, какие племена обратились к варягам, причисляя к ним Русь, несмотря на то, что по «Повести временных лет» призванные варяги якобы сами назывались Русью. В самом деле, печатаемые всюду и упорно повторяемые слова «реша Русь, Чудь, Словени и Кривичи и Все: земля наша» и пр.— являются ученой фикцией, вызванной навязчивой идеей о реальности факта призвания варягов. В действительности в древнейших списках летописи, Лаврентьевском, Троицком и Ипатьевском, Русь упоминается вместе с чудью, словенами и кривичами в числе племен, приглашавших варягов, и текст читается таким образом: «Реша Русь, Чудь, Словени и Кривичи

и Все: наша земля» и пр. То же чтение найдем и в древнейшем датированном списке летописи — кратком летописце патриарха Никифора русскими статьями, помещенном в Новгородской Кормчей 1280 года При царстве Михаила «придоша Русь, Чюдь, Словене, Кривичи к Варягом, реша» и пр.¹² В дальнейшем Новгородская Первая летопись и «Повесть временных лет» как бы забывают о Рюрике, и прикреплению Игоря к династии Рюрика оказывается неоправданным. Этим объясняется и та несообразная хронология Новгородской летописи и «Повести временных лет», согласно которой в год смерти Рюрика (879) Игорь был ребенком. По подобной хронологии Игорю в год его смерти (945) исполнилось бы примерно 80 лет, сын же его Святослав был еще ребенком («детеск сын»). По той же хронологии, Ольга, вышедшая замуж за Игоря в 903 г., рождает сына Святослава лет через 30 после брака. Защитники полной реальности легенды о призвании князей никак не хотят обратить внимание на такую странную хронологию.

Однако тема об источниках рассказа о призвании князей особая и выходит за пределы статьи. Пока же ограничимся только общим замечанием о том, что легенда о трех варяжских князьях была записана примерно в первой половине XI в. и не старше легенды о Кие, Щеке и Хориве.

Итак, можно предполагать, что известия о Руси IX—X вв., помещенные в «Повести временных лет», в Новгородской и в Устюжской летописях, основаны на сказаниях: о начале Русской земли, о призвании варяжских князей, о русских князьях X века. Из этих сказаний наиболее ранним является последнее.

Сказание о русских князьях X в., вероятнее всего, было написано в Киеве вскоре после крещения Руси и является первым русским историографическим произведением, притом отнюдь не церковного характера. Мои предположения о существовании русских произведений нецерковного характера уже в XI в. вызвали насмешливые замечания людей, привыкших приписывать все древнерусские сочинения только церковникам. Но авторы подобных замечаний забывают о существовании таких произведений, как Слово о полку Игореве, духовная Владимира Мономаха и моление Даниила Заточника, забывают о повестях, рассказывающих о ратных подвигах, которые были написаны явно воинами, а не монахами и внесены в летопись. Таким было и сказание о первых русских князьях X в., как это в свое время отметил И. И. Срезневский.

Не должна удивлять и ранняя датировка нашего предполагаемого сказания, так как крещение Руси при Владимире только завершило длительный период существования христианства и неразрывно с ним связанной письменности на Руси. находка сосуда с кирилловской надписью первой половины X в. в кургане под Гнездовом опровергла мысль о бесписьменной Руси первой половины X века. Об этом же говорят и договоры Руси с греками того же столетия. Составленные по византийской дипломатической практике, как это доказал польский ученый Микуцкий, они нужны были уже при Олеге и Игоре, когда Русь знала «закон» и «покон русский». Русская историография начинается уже в X в. и притом открывается памятником высокой ценности. Сказание о русских князьях X в. — древнейший памятник славянской историографии. Более подробное изложение своих взглядов на летописные известия о Руси IX—X вв. автор этой статьи предполагает сделать в особой монографии.

¹² «Полное собрание русских летописей». Т. 1. СПб. 1846, стр. 251. Совершенно непонятно, по каким причинам новые издатели «Повести временных лет» (см. сноску 2) игнорировали тексты древнейших рукописей и положили в основу чтения о призвании князей поздний, Радзивилловский список XV века.